

ГЕНДЕРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В ПОВЕСТИ А. БРАВО «РАЙ ДАВНО ПЕРЕНАСЕЛЕН»

История гендерной маркированности художественных образов в русской классической литературе, по мнению современных литературоведов, начинается с романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Социально-этический и социально-психологический подходы были выдвинуты в качестве основных критериев своеобразной гендерной типологии. «Милый идеал» поэта – Татьяна Ларина – относилась к активному типу женщин, способных изменять жизнь согласно авторским идеалам. Героиня была достаточно образована, воспитана, близка к народу, активна во взаимоотношениях с другими персонажами. Ольга Ларина – пассивный тип женщины, посвятившей себя только семье, расценивался как отрицательное явление. Спокойствие семейного быта героини, строгое следование добродетелям и правилам христианской морали многими исследователями XX века расценивалось как мещанство.

Во второй половине XIX века в творчестве Н. С. Лескова, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского разрабатываются художественные образы, которые частично были спроецированы на всемирно-известные библейские типы. Писатели, в силу своей творческой направленности, ориентируются на христианскую мифопоэтику, активно используют в произведениях библейские притчи и мифы, церковнославянскую лексику и библейские архетипы. Библейское мироучение выступает у религиозных писателей (Островский, Лесков, Достоевский и др.) в качестве первоосновы художественной идеи, является отправной точкой в размышлениях героев и автора и одновременно высшим нравственным критерием их духовных поисков.

Гендерная маркированность художественных образов в этот период проводится с позиции основных постулатов этико-христианской морали: писатели-романисты основное внимание отводят изучению «душевного устройства человека», которое трактуется в контексте учения о грехопадении.

Н. Н. Старыгина, обобщив творческие поиски русских классиков XIX века в свете этико-христианских традиций, предложила новую гендерно маркированную типологию художественных образов [3].

1. Женщины «обыкновенные», сфера жизнедеятельности которых – семья, любовь, дети (основными приемами создания образов являются описание внешности с использованием христианской символики). В героине правильно соотносится тело и душа, в ней очень развита религиозная потребность и способность верить; она осознает добро и зло, пользу и вред, красоту и безобразие и делает правильный выбор между ними.

2. Женщины «страстные», которые попадают под власть мирских обольщений (современные идеи-фикс, карьера, любовь-страсть). Они не задумываются о духовной сути человека, а интересуются внешними атрибутами жизни. Страстное расположение души приводит к чрезмерному развитию пороков, к изменению нравственных ценностей, душевной сферы. Такое состояние – результат грехопадения человека.

3. Женщины, «устремленные к Богу». Начало этого процесса проявляется в обнаружении и осознании собственной греховности. Героиня понимает, что в этом единственно возможный путь спасения и воскрешения, т. е. преодоление своих страстей.

Вопрос о соотношении активного и пассивного начала в обрисовке женских типов русской классики XIX века, таким образом, снимается и возникает новая классификация, основанная на культе женщины-матери – единственно верном,

естественном, активном типе героини, в котором проявляется ее женское естество и духовная природа.

Поколение авторов XXI века, воспитанных в традициях атеизма, вне религиозной культуры, пытается постичь религиозно-мифологический опыт предшественников, пытается осмыслить часть великого христианского наследия, которое вошло в плоть и кровь человеческой культуры, понимаемой в широком смысле. Недаром известный писатель XX века Борис Васильев утверждал: «Нам надо ясно осознать, каким золотым запасом нравственности мы обладаем. Я просто напомню, что честь и благородство не являлись чьей-то прерогативой, а были достоянием всенародной нравственности... Нужно еще раз обдумать всю нашу жизнь – и прожитую, и текущую, еще раз увериться в силе народного духа и, может быть, внести хоть малую лепту в его укрепление и обогащение».

По мнению Алены Дроздовской, повесть А. Браво «Рай давно перенаселен» представляет собой культурное явление последнего времени, противостоящее миру коммерчески ориентированного трэша [2]. Главная тема произведений Алены Браво – «психология и внутренний мир нашей современницы, остающейся «узницей детства», но пытающейся отстаивать свое право на любовь и свободу» [2]. «Сущность героинь ярче всего проявляется в любви, которая «есть материнство» и одновременно — «просто долька апельсина под ногами толпы». Поток сознания автора удивительным образом смешивает бытовые зарисовки с эссеистикой, психические состояния с живыми диалогами, поэтизированный комментарий к прошлому с беспощадной реалистичностью. Безупречное чувство языка и стиля, богатство литературных аллюзий позволяют писательнице создавать повести и рассказы, способные удовлетворить самый изысканный вкус» [2].

В основе сюжета повести А. Браво «Рай давно перенаселен» – рассказ о судьбах трех поколений женщин: дочери, матери и бабушки. Типичность главных героинь подчеркивается отсутствием имен: таких как они – множество, они похожи друг на друга, у них у всех схожие судьбы. Гендерный стереотип современницы Браво «задает» с помощью традиционной **возрастной системы координат**: по жизни героини проходят одинаковые периоды «счастий/несчастий» в стране, где личность лишена «права на индивидуальное будущее, а стало быть на собственную жизнь»: «... ловушка лязгнула за спиной, и впереди уже нет никакого неизвестного будущего, все предсказуемо наперед: тело, которое тебе больше не принадлежит, узнает беременности, безропотные роды, болезни детей и свои. В тридцать пять она уже добавляет в воду для полоскания волос синьку – чтобы седина смотрелась «поизящней». Колесо ее швейной машинки с ножным управлением крутится, крутится, наматывает на себя бесцветное время» [1, с. 113].

Единственная героиня, получившая в повести имянаречение – бабушка по отцовской линии – баба Вера. С огромной любовью и теплотой рассказывает автор о ней: «Бабушка Вера до конца жизни сохранила какую-то юношескую застенчивость: терялась, когда на нее обращали внимание, избегала конфликтов с чужими, даже когда имела на то веское основание» [1, с. 128]. «Бабушка Вера, конечно же, понятия не имела, что такое отечественное учреждение, то есть ристалище амбиций, унижения, интриг; фабрика по производству дыр, сквозь которые незаметно утекает твоя единственная жизнь и самое дорогое в ней – время, которое вынуждено отдаешь фальшивым, всегда голодным людям, заедающим свою внутреннюю пустоту твоим горячим сердцем и легкими» [1, с. 130]. «Ее призванием было ухаживать за старыми и малыми, за умирающими и выздоравливающими» [1, с. 131].

Бабушка Вера сумела создать в своей семье такой уют, умела окружить близких такой заботой и теплотой, что дом ее напоминал рай, домашний рай. Женская мудрость

подсказывала бабе Вере способы выхода из конфликтов, давала силы побороть жизненные невзгоды, помогала строить домашний быт по принципу: *«Бабина дорога – от печи до порога»* [1, с. 106]. *«Вера никогда не вышла на службу, новенький диплом педагога хранился в серванте вместе с метриками детей; мой дед полагал, что женщина должна сидеть дома и заниматься исключительно семьей. И он не прогадал: сказочно неприхотливой, за все благодарной, молчаливой, как рабочая скотинка, фантастически выносливой была Вера. Даже ее личные интересы были полезными для семьи: шитье, вязание, вышивка, плетение макраме, разведение цветов, кулинария – что там еще? – да все, чему она посвящала время своей единственной жизни, вписывалось в стандартное оглавление книги по домоводству»* [1, с. 116].

Судьба Веры не была легкой: дочь врага народа рано осталась без матери, взяла на себя заботы о большой семье. Мечту о поступлении в педагогический вуз талантливая ученица похоронила навечно, но несмотря ни на что, героиня не ожесточилась, не изменила своим жизненным принципам. Она сеяла вокруг себя любовь и понимание, *«преподавала робким своим ученицам наглядный урок любви, ибо что есть любовь, как не умение «в месте прозревать пустом сокровища» (Бродский)»* [1, с. 134].

Автор рассуждает о жизненных секретах героини, о ее рецептах стойкости, об умениях преодолеть серость и однообразие домашнего каторжного труда. Параллельно Алена Браво говорит о поколении своих современников, мужчинах и женщинах, в душах которых узаконенными зверствами была высушена любовь: *«Вот только почему-то среди этих без любви повзрослевших мальчиков полным-полно невротиков и психопатов, по совместительству – алкоголиков; а девочки, выросшие без любви, бросаются в нее как в омут, торопясь ослепнуть и оглохнуть, – легче было бы купить в магазине бутылку горькой, они сами лезут тебе в руки, выставленные добрыми продавцами для твоего удобства прямо возле кассы, чтобы ты, не дай бог, не ушла без спиртного, только в крови влюбленных и так синтезируется биологический суррогат того народного напитка, который в нашем городке называют «танцем смерти». Бутылка потребуется потом, когда эти девочки, уже протрезвевшие, одинокие и остервенелые бабы, из-за неудавшейся судьбы станут измываться над своими детьми, передавая генетическую обреченность на поражение, как ножик в тюрьму, следующему поколению»* [1, с. 137]. Автор диагностирует вырождение нормальных человеческих отношений между мужчинами и женщинами, между поколениями отцов и детей, матерей и дочерей. Рай, подобный солнечному стеклянному яйцу, где все защищены, где царит гармония, разрушается и скоро исчезнет, взамен ему возникнет *«наш мир, перенаселенный убогими сердцем и разумом»* [1, с. 152].

«Любовь – это не «за что-то», а просто так», – пишет Алена Браво [1, с. 138]. Любовь как проявление материнского инстинкта исчезает напрочь у матери главной героини. Каждодневная ненависть к своим родным детям прорывается в ее словах: *«Зла на вас не хватает! Когда вы уберетесь из моего дома», – как резаная орет мать* [1, с. 139]. Мать, ее подруга Капитолина, Брюхатый, в отличие от бабы Веры – *«хранительницы семейного рая»* (1) – в сознании главной героини ассоциируются, как *«мелкие демоны отрочества»* (2) [1, с. 149]. Эти герои, *«неказистые кочегары преисподней»*, очень живучи: *«...метаморфозы, ведущие к великому оледенению или, напротив, всеобщей паровозной топке, не в состоянии уничтожить их тараканью породу. Похоже на то, что именно эпохальные катаклизмы на землях от Байкала до Буга и послужили теми условиями естественного отбора, в которых сия порода закалилась, расцвела и дала обильный приплод»* [1, с.150]. Браво придумывает им красочное сравнение – *«мертворожденные куклы любви»*: *«демоны отрочества»* жаждут человеческого счастья, но отсутствие жертвенности и чистоты в отношениях порождают вокруг них пустоту и нечистоты. Это брошенные женщины, которые

посвящают себя карьере, общественной жизни, живут для себя и стремятся поддерживать свое «физическое совершенство» для дальнейших скоротечных приключений, которые опять не приведут к счастливому браку.

В повести «Рай давно перенаселен» нарисован еще один гендерно маркированный тип женщин – «*коловороток*» (3), которых можно сравнить с «*живой пылью*», «*в изобилии обитающей в водоемах нашей родины и паразитирующей на тростнике*». «*Коловоротки*», как правило, бывают вторыми или третьими женами и сами имеют в пассиве по два-три брака; когда мужчина, этот тростник, изрядно побитый жизнью, печально клонится под тяжестью обид, тут-то и подбирается «*живая пыль*». Внешность этих женщин трудно назвать привлекательной: цепкие и зоркие, несмотря на маленькие глазки, с обесцвеченными локонами, из-под которых выглядывают неряшливые темные корни, они и не нуждаются в каких-то чарах, о коих пекутся рафинированные дамы, ибо природа сполна позаботилась об их, «*коловороток*», боевом оснащении. Они обладают способностью имитировать эмпатию – способностью, сильной лишь профессионалам: священникам, психоаналитикам и проституткам» [1, с. 155]. Такой тип женщин экранирует поведение мужчины, который при встрече с ней, чувствует себя Богом. Это женщина-ребро, женщина-зеркало, женщина-копия, это нимфа Эхо, имеющая великолепно отутюженный инстинкт выживания. «*Дети для «коловороток» – нечто вроде строительного раствора, который должен намертво схватить кирпичную кладку их гнездовья*» [1, с. 159].

Сдержанная на категоричные оценки, Алена Браво задает читателю в повести риторический вопрос: «*Так можно ли уважать «мужчину разумного», который опасливо сторонится равной ему женщины, чтобы до конца жизни со стороны болтаться убогим выкидышем на пуповине безмозглой, но «практичной» и цепкой мамки?»* [1, с. 156].

В повествовании много рассуждений, много авторских намеков, много афоризмов, но нет прямого ответа на вопрос: как построить свою жизнь так, чтобы быть счастливой? Вот несколько рецептов из «*философского жемчуга*» от Алены Браво: «*Кто сохранил себя, тот ничего не потерял, но многим ли удастся сохранить себя?*» [1, с. 146]; для женщины главное – «*выдрессированное умение выключать в себе, словно телеканал, нежелательное направление мыслей, забиваться сном или работой*» [1, с. 146]; «*Вода без отдыха поит деревья, цветы и травы. Без нее они не могли бы расти. Нужна ли эта непрерывная работа самой воде? И когда она отдыхает? Детские (то есть самые серьезные вопросы)...*» [1, с. 171].

Таким образом, творчески осваивая этико-христианские традиции русской классической литературы, А. Браво в повести «Рай давно перенаселен» разрабатывает гендерно маркированную типологию художественных образов. Гендерные стереотипы поведения, в том числе и коммуникативного, эмоциональные и ментальные характеристики женских типов («*хранительницы семейного рая*» (1), «*мелких демонов отрочества*» (2), «*коловороток*» (3)) имеют социально-психологическую обусловленность.

Литература

1. Браво, А. Имя Тени – Свет: повести, рассказы / Алена Браво. – Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012. – 360 с.
2. Дроздовская, А. Вольный стрелок из Борисова / А. Дроздовская // [Эл. ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://minpraud.by/articles.php?current_date=2013-02-13&id=64832
3. Старыгина, Н.Н. Женские образы в контексте христианского учения о душевном устройении («Обрыв» И.А. Гончарова, «На ножах» Н.С. Лескова, «Бесы»

Ф.М. Достоевского) / Н.Н. Старыгина, И.П. Карпов // Открытый урок по литературе (Планы, конспекты, материалы). Пособие для учителей. – М., 1998. – С. 191–208.

МГПУ им. И.П.Шамякина